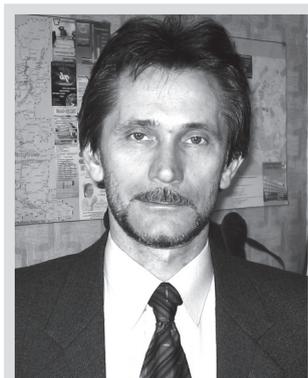

УДК 338.246.4

Дуализм университетского образования эпохи глобализации как проявление западофикации и вызов национальной безопасности России

Шалаев В.П.

Доктор философских наук, профессор,
декан факультета социальных технологий
Марийского государственного технического университета

Шалаева С.Л.

Кандидат философских наук,
доцент кафедры дошкольной и социальной педагогики
Марийского государственного университета

Исследуется развитие современного университетского образования России. В качестве главного контекста исследования выступает анализ влияния на него процессов глобализации, которые рассматриваются как западофикация, одним из проявлений которой авторы считают стандарты «болонского соглашения», их внедрение рассматривается как неоднозначное. К главным негативным последствиям болонизации высшего образования России авторы относят формирование предпосылок выкачивания из страны молодых квалифицированных кадров, ухудшение качества их подготовленности. При этом вхождение в глобализационные процессы, освоение требований болонского процесса рассматриваются в качестве важного условия самоопределения российского образования.

Ключевые слова: глобализация, западофикация, болонизация образования, дуализм образования, национальная безопасность.

Поставленный вопрос не может быть существенно исследован вне полотна социальных процессов и изменений, произошедших с человеком и обществом за последнее столетие, особенно за последние несколько десятилетий и, прежде всего, в призме инверсий западной истории и ее влияния на историю мировую. Мы

начнем с предельно общих суждений, связанных с основными чертами общества и человека эпохи глобализации, понимаемой нами как объективно развивающийся процесс западофикации мира, решающим образом повлиявший на судьбы социально-гуманитарного знания его практик в обществе [см. 1]. Без погруже-

ния в эту социальную реальность понять современное состояние социально-гуманитарного знания как важнейшей сферы общественной жизнедеятельности, с диалектической точки зрения, наверно, невозможно.

Как мы уже установили ранее, на фоне происходящих с современным обществом глобализационных сдвигов, заключенных в противоречивой тенденции, с одной стороны, роста уязвимости, кризисности, конфликтности бытия человека, а с другой – роста его индивидуализма, потребительства, социальное знание и социальная практика, являясь инструментами общественной рефлексии и саморегуляции, не могут не претерпевать соответствующие изменения, фиксируемые в понятии неклассического и постнеклассического знания и социальной практики [см. 2]. В соответствии с проявившими себя в Новейшее время процессами (прежде всего, в период постиндустриальной революции и вплоть до наших дней) социально-гуманитарное знание и практика устремились по следующим основным тенденциям развития:

1. Эти знания и эти социальные практики приобретали характер индивидуально-личностных ориентаций. В этом проявилась индивидуализация нашего общества, являющаяся следствием влияния западного образа мышления и стиля жизни на находящиеся с ним в связях и отношениях незападные культуры и цивилизации. Собственно, тиражирование западных образцов жизни и является сущностью того, что мы называем сегодня глобализацией, по сути своей являющейся процессом западофикации мира. Главным героем этой новой культуры и цивилизации повсеместно выступил индивидуализированный и унифицированный человек. Этот отдельный человек как генеральный потребитель уже давно стал объектом пристального внимания различных направлений социально-гуманитарного знания и практики.

2. В соответствии с новым типом индивидуализированного человека эти знания и практики развивались дуальным образом. В соответствии с противоречивым характером глобализации появились и интенсивно развивались, с одной стороны, науки и практики, связанные именно со сферой социальной помощи, социального врачевания человека (социально-

помогающие науки и практики), к ним можно отнести социальную психологию и педагогику, социальное право, социальную экономику, социальную медицину, социальную политику, социальную работу, философию социальных проблем и т.д. С другой стороны, развивались сервисно-потребительские науки и практики в сфере растущего материального потребления и развлечений, ориентированные на удовлетворение растущих утилитарных потребностей этого человека, как человека потребительской, гедонистической, индивидуализированной формы культуры и цивилизации.

3. Здесь можно также говорить и о все возрастающей проблемной ориентированности знаний и практик. В соответствии с общей проблематизацией индивидуальной и общественной жизни человека в современной цивилизации, проявившей себя как своеобразный цивилизационный каток, уничтожающий долгое время поддерживавшие человека традиционные социальные институты, связи, отношения и ценности (традиционная семья, традиционные кровнородственные отношения, традиционная религия и мораль и т.д.), сфера материального и духовного потребления, помощи и услуг во все большей степени поворачивает к освоению именно пространства социальных проблем становящегося все более социально уязвимым человека.

4. Все эти знания и практики становятся во все большей степени междисциплинарными, образуя научные межпредметные поля. К ним можно отнести все социально-гуманитарные науки и практики помогающе-альтруистического характера (например, воплощенные в социальной медицине, социальном праве, социальной экономике, социальной политике, социальной этике, социально-психологическом и педагогическом знании и консультировании, конфликтологии, социальной работе и т.д.) и сервисно-потребительского характера (различные формы соцкультбыта – от парикмахерских и салонов красоты до новых форм киноиндустрии, музеев, театров, общепита, туризма, гостиниц, курортного дела, спорта, шоу-бизнеса, моды). Все они – и социальная помощь, и даже утилитарное потребление, отдых и развлечения стали фактором

социальной реабилитации бегущего из больших городов за эликсиром психофизического восстановления этого нового раба глобальной цивилизации – общества потребления.

Но еще раз подчеркнем, что в этих условиях институт социальной помощи человеку как и индустрия потребительского, развлекательного сервиса не может нами не рассматриваться как защитная прагматическая функция экономической глобализации, создаваемой Западом, и как механизм ее социальной самоорганизации. Действительно, с одной стороны, глобализация, выступая способом социального врачевания нанесенных ею же социальных ран (социальная помощь), а с другой стороны – способом потребительского, развлекательного образа жизни (потребительский развлекательный сервис), создала механизмы универсальной социальной реабилитации этого маргинального трудового ресурса, ядром которого стали молодые, наиболее трудоспособные поколения стран втянутых в эти процессы стран. Всем этим можно определить науки и практики социально-помогающего характера и науки и практики сервисно-потребительского характера в качестве модуса, неотъемлемого свойства, одной из сущностных форм глобальной экономической цивилизации Запада и тесно связанного с ней общества потребления.

Предыстория этой глобальной метаморфозы, как мы уже отмечали, в своей сущности чрезвычайно естественно-исторична и диалектична по своему характеру [3]. Дальнейший рост производства и потребления в экономически развитых странах Запада был поставлен в середине – конце XX столетия под угрозу самим фактом возникшего дефицита человеческого (человек как рабочая сила, в том числе интеллектуальная и человек как потребитель производимого) и природного ресурса, необходимого для роста этого производства и потребления. Но этот рост производства и потребления оказался под угрозой и из-за не должной оперативной реабилитации и привлечения трудового ресурса (интеллектуального и физического), а также ресурса человеческого потребления, производимого в привлекательной для человека форме.

Этой формой и стали ценности потребительского общества – больше и качественнее

потреблять, получая удовольствие. Рядом с этим выросли не только сферы социально-помогающего и потребительски-развлекательного сервиса, но и обслуживающая их индустрия искусственного образа, медиа, воплощенная в деятельности рекламы и пиара, лежащих в основе масскультуры. Именно в этой связи мы и обязаны констатировать, что с сущностной точки зрения, экономическая глобализация (высокая индустрия производства и потребления в мире) есть механизм растущего общества потребления. А сохранение и распространение ценностей общества потребления есть условие его сохранения в качестве условия экономической глобализации как мирового экономического феномена, основанного на западных стандартах организации общественной жизни народов. Все остальное в форме масскультуры, рекламы, пиара и т.д., стало лишь инструментарием этого симбиоза, за которым явственно проглядывают превращенные формы капитала, как “серого кардинала” этих процессов [2].

Такова диалектика этого процесса – развитие через разрушение и одновременное врачевание, реабилитацию. Как мы отметили, сущность этих процессов глубоко скрыта от наблюдателя и воплощена совсем в другой системе ценностей [2]. Эта система ценностей заключается в превращенной форме западного общества, тайна которого – в получении все большей прибыли правящим классом общества, в создании условий стабильного роста потребления. Иными словами, вопрос развития народов в форме глобализации – это вопрос прежде всего экономический, вопрос бизнеса. Потребление рассматривается здесь как условие развития бизнеса. В свою очередь, потребление возможно, только если оно становится идеологией, сущностью мировоззрения широких масс населения. Оно таковым и становится, приобретая форму философии утилитарного потребления, прагматизма и позитивизма – ядра всей современной западной культуры.

Общество всеобщего потребления рождает глобализацию, а глобализация, как тиражирование западного образа жизни во всемирном масштабе, есть условие сохранения и развития потребительского общества за счет потребления все новых и во все большем масштабе раз-

нообразных природных и социальных ресурсов мира. В основе общества потребления, на фоне общечеловеческой культурной динамики, мы фиксируем доминирование чувственной формы культуры. Маятник удовлетворения человеческих сущностных потребностей здесь есть внутренний скрытый механизм смены культурных форм общества, выступающих в качестве основы создаваемой им цивилизации. Сегодня она такова.

Люди в складывающейся ситуации управляемого общества потребления, в том числе и средствами постмодерна, о чем мы уже говорили, не сознают себя уже больше носителями традиционных социальных институтов – этноса, нации, общества, языка, какой-либо конкретной культурной формы. Они во все большей степени живут реальностью нарисованного (созданного) новой культурой, новыми культурными средствами иллюзорного мира, за которым просматривается диктующее новую объективность влияние глобальной цивилизации. В своем сознании граждане этого нового глобального мира – это люди нового мира ценностей, мира постмодерна [см. 3, 4].

Субъектом этого нового мира необычным образом стал западный интеллигент – журналист, художник, писатель, философ, режиссер и т.д. В центре созданной им новой культуры постмодерна встал принцип творчества без границ (футуризм) и свобода либеральной личности, воплощенные в получивших бурное развитие в идеях психоанализа, экзистенциализма и постмодернизма. Именно эти философии мы должны признать в качестве идейной основы новоевропейского сознания и культуры, сложившейся после потрясений Первой и Второй мировых войн, до предела обостривших в западном сознании и культуре принцип индивида, индивидуальности и личности на фоне тех ошибок и их негативных последствий, приведших западную цивилизацию к колоссальным человеческим потерям и страданиям человека. И именно эти страдания, по нашему мнению, осмысленные западной интеллектуальной элитой как последствия ошибок традиционной культуры, стоящей на традиционном образе, месте и роли государства, морали и семьи, и привели в итоге к тому, что мы фиксируем се-

годня как социальный экстаз индивидуализированной интеллектуальной личности. Ярким воплощением этого экстатического состояния сознания и стала философия и социология постмодерна, решающим образом повлиявшая на мировоззрение нескольких поколений западной молодежи, создав совершенно новый либеральный тип личности с миксированным, протестно-либеральным сознанием, который лег в основу массового человека.

Складывающаяся ситуация постмодерна в сознании необычным образом соответствует тому, что в современном обществознании и философии принято называть маргинальным, флюгерным и бифуркационным типом личности [см. 3, 4]. Человек с этим сознанием – чрезвычайно управляемый человек, в значительной степени подверженный внешним манипуляциям над своим сознанием и поведением в обществе. Этой повышенной управляемостью и манипулируемостью бифуркационный человек обязан, прежде всего, своему смешанному, миксированному сознанию. У него развитая культура потребления, направленная на насыщение, удовлетворение самых простых потребностей и инстинктов на фоне неустойчивой системы знаний и ценностей жизни, с сопутствующими им индивидуализмом, прагматизмом профессионально ориентированного индустриально-информационного общества. Но у этого сознания и чрезвычайно развитая форма зависимостей от условий его существования.

Это человек в высшей степени ведомый, управляемый извне, подверженный манипуляциям с его сознанием и чувствительный к удовлетворению воспитанных цивилизацией потребностей. Для глобализации в ее нынешнем экономически ориентированном исполнении такой человек есть ее главный субъект. Здесь цели человека и цивилизации совпали. Не национальная, а интернациональная экономика, не культура, а интеркультурная общность, не общество, а глобальное сообщество, в котором теряются рамки национальной культуры и традиции, это не этика, а потребление. Чтобы строить такую цивилизацию, необходим совершенно новый тип человека, вне традиционного, наднационального характера. И этот человек, еще раз подчеркнем, не только главный потре-

битель глобализационных ценностей, но и главный созидатель, организатор глобализации, как невиданной до сих пор масштабной формы мирового капитала, бизнеса и потребления [3, 4].

Всем этим глобализация и ее мировоззренческое основание – постмодернизм могут считаться двумя необходимыми условиями построения нового мирового общества потребления, как одновременно и более сложной (по организации), и более простой, по сути, материально приземленной в своих ценностях цивилизации, освобожденной от скрижалей духовности и общечеловеческой морали.

Описанное таким образом полотно мировой социальной реальности последнего столетия позволяет нам перейти непосредственно к вопросу дуализма миссии современного университетского образования. В этом дуализме наибольшее внимание для нас имеют линии, непосредственным образом связанные с вопросами национальной безопасности стран и народов. Ход глобализационных процессов последних десятилетий мировой истории, как процессов западофикации мира, создает предпосылки своего собственного отрицания на западной же почве. Принципы дешевой рабочей силы, ввозимой из стран третьего мира, плюрализма и веротерпимости, доминировавшие до сих пор на Западе, невольно пришли в противоречие с культурно-цивилизационной практикой, с набирающим силу политико-экономическим влиянием выходцев из мусульманского мира на культурно-цивилизационную среду Западной Европы. Ставя под угрозу традиционные национальные интересы и ценности этих стран, Запад обречен все более входить в противоречие с провозглашаемой им же либерально-демократической системой ценностей. Все это позволяет констатировать, что современный культурно-цивилизационный мир отнюдь не однороден и не стабилен. В нем набирают силу центробежные, взрывоопасные силы, во многом спровоцированные содержанием и направленностью самой экономической глобализации.

Мир становится все менее стабильным и непредсказуемым на путях своего дальнейшего развития. С синергетической точки зрения, он становится все более нестабильным и бифуркационным, то есть его наличное состояние

все более начинает подчиняться законам случайности, малой флуктуации, малого воздействия, способным привести мировую систему к необратимому социальному хаосу, когда уже наличный традиционный сдерживающий цивилизационный и культурный потенциал народов и государств мира будет неэффективен для упорядоченного решения встающих проблем, поскольку будет к этому времени уже достаточно размыт. Университетское образование имеет к этому самое прямое отношение.

В своих работах мы уже исследовали ранее этот вопрос. В ситуации нестабильности и непредсказуемости путей дальнейшего развития формирующейся глобальной системы любой из кризисов, связанных с деформациями базовых потенциалов всякого общества, способен сыграть решающую роль в их будущей судьбе. Как мы уже отмечали, мировоззренческий фактор, заключенный в ряде потенциалов национальной безопасности, становится решающим [1]. Связанные с ним образование и воспитание, лежащие в основе социализации личности как гражданина страны, в том числе и университетское образование, в этом смысле становятся важнейшим фактором сохранения и развития культурной и цивилизационной идентичности стран и народов современного нам мира. Сфера сознания и сфера мировоззрения в ситуации нестабильных общественных отношений становятся факторами жизнестойкости обществ. Центральная роль в вопросе безопасности народов, безусловно, принадлежит институтам воспитания и образования в детстве и юности. Современные дети, молодежь отражают, повторяют и воспроизводят в себе общую атмосферу становящейся глобальной потребительской цивилизации, устремленной к индивидуальному успеху, культу телесного. В атмосфере экономической глобализации и общества потребления они во все большей степени становятся жертвами победы технологизма и инструментализма над гуманитарностью и духовностью [5].

Как наиболее сензитивная часть общества они копируют мировоззренческую атмосферу глобального общества, становясь плацдармом будущности народов в общечеловеческой истории. В этом смысле у современного института образования и воспитания, в том числе универ-

ситетского образования и воспитания, появились серьезные вызовы внутреннего и внешнего характера. С одной стороны, оно не может не быть образованием национальным, не может не работать на сохранение социально-культурной идентичности и сплоченности своего родного общества, с другой стороны – оно не может не быть образованием глобализационным и готовить молодых людей к жизни в большом, глобальном обществе, а значит, невольно становится трамплином для перехода молодых людей в наднациональные широты своей будущей социально-культурной реализованности и состоятельности. В этом вопросе, в вопросе каким быть нашему отечественному воспитанию и образованию, мы сосредоточимся на университетской и средне-профессиональной форме (колледжи) или факторе образования и воспитания. Наша позиция здесь заключается в следующем:

1. Ситуация глобализации, понимаемая как распространение общества массового потребления и массового производства на основе западной системы ценностей и западных образцов организации общественной жизнедеятельности народов, есть западнцентристский феномен, в основе которого лежит фактор превращенной формы капитала, живущей по своим внутренним, вне общественных, национальным и культурным законам.

2. Развиваемая и распространяемая Западом в мире система профессиональной подготовки населения является одним из инструментов реализации глобализации в ее западофикационной форме общества массового производства и массового потребления и в конечном счете является модусом, важнейшими свойствами превращенной формы капитала, устремленного к общемировой западной форме организации дальнейшей жизни народов.

3. А именно, например, двухступенчатый процесс высшего образования является фактором подготовки массовой исполнительской рабочей силы на уровне инструментального, узкомыслящего специалиста. Глобальному массовому производству необходима ускоренно подготовленная за 2-3 года исполнительная, вышколенная рабочая сила, солидарная с ценностями общества массового производства и

потребления и способная на высокий уровень мобильности по законам развития международного производства.

4. Эта готовящаяся по западным образцам в университетах и колледжах массовая рабочая сила изначально должна рассматриваться как подготовленная профессиональная сила, лояльная ценностям экономической глобализации, прежде всего за счет ценностей общества потребления, высокого массового потребления и материального благополучия как главной ценности человека и общества в его западной либерально-потребительской форме и должна носить утилитарный, потребительский характер.

5. Эта готовящаяся в университетах и колледжах массовая рабочая сила должна быть наднациональна и быть приверженной ценностям глобального, но не национального общества, глобальной, но не национальной культуры (читай – западной либерально-потребительской культуре), что и реализуется в форме либерально-демократической системы образования и воспитания в современной, рожденной на Западе глобальной модели двухступенчатого, практико-ориентированного образования молодых поколений.

В целом перед современными университетами и колледжами, в том числе и российскими, сегодня встали в полный рост следующие основные и важнейшие дилеммы выбора своей ответственной миссии в форме уже реально существующего дуализма:

1. Служить национальной или наднациональной системе ценностей общественного развития.

2. Служить национальной или наднациональной системе целей и задач общественного развития.

3. Служить национальной или наднациональной системе интересов и потребностей общественного развития.

4. Служить развитию общества потребления (ускоренное развития сферы услуг и массового потребления) или общества спасения (ускоренное развитие институтов социальной защиты и помощи населению), которые тесно связаны с общими процессами глобализации мира по западным образцам организации общественной жизни.

В этой ситуации все национальные университеты и колледжи, принявшие принципы западной двухуровневой системы образования, в том числе и российские, оказались в своеобразной ситуации буриданова осла. Переход на западные образцы организации учебного процесса делает их трамплином, гигантским интеллектуально-профессиональным насосом по перекачке огромного профессионального, интеллектуального ресурса из незападных стран в наднациональные, контролируемые западным капиталом и западной цивилизацией системы организации массового производства и потребления. Они становятся важным условием содействия массовой трудовой миграции наиболее профессиональных и мобильных кадров из стран незападных, стран третьего мира в развитые страны Запада и созданные ими наднациональные центры производства и потребления.

Тем самым национальное университетское образование и образование в колледжах отрывается от хозяйственно-экономических традиций своих стран, от национальной экономической и культурной почвы и становится фактором поддержки наднациональных форм экономической организации жизни народов, организуемых испытывающими дефицит в интеллектуальных трудовых ресурсах странами Запада. В конечном итоге перекачка “серого вещества” становится формой дополнительной эксплуатации западным капиталом и бизнесом незападных стран, рассматриваемых в качестве дополнительных ресурсов рабочей силы. В этом процессе “серое вещество” не может не рассматриваться в качестве важнейшего фактора влияющего не только на актуальную национальную безопасность стран и народов не западного мира, но и важным фактором снижения экономической и политической состоятельности этих стран и народов в будущем мире.

С другой стороны, национальное университетское образование и образование в колледжах может остаться приверженным отечественным традициям организации образовательного процесса, сохранить накопленный опыт подготовки специалистов, восприняв некоторые из адекватных для отечественной системы образования новшеств содержания и организации учебного процесса, присущих западной системе обра-

зования, претендующей на международный, глобальный, законодательный статус. Как мы видим, этот дуализм национального высшего и среднепрофессионального образования различных стран мира в отраженном виде является проявлением другого более фундаментального дуализма общества потребления и общества спасения, свойственного глобальной экономической цивилизации.

Между тем это национальное образование, в том числе и российское, действительно могло бы сохранить в себе традиционную отечественную систему подготовки специалиста, прежде всего в сфере фундаментальной подготовки специалиста, деятельности аспирантуры и докторантуры. Оно могло бы сохранить традиционную систему требований к приему и выпуску специалиста из учреждения, систему промежуточной проверки качества знаний и многое другое.

Несомненно, это способствовало бы процессам самоорганизации нашего образования на путях его реформирования содержательным образом и в значительной степени повлияло бы на реализацию принципов национальной безопасности, которые должны занять в нашей системе образования гораздо большую роль, чем мы до сих пор привыкли это считать. Конечно же, если мы понимаем ту фатальную взаимосвязь, что имеется между содержанием и характером образования и вопросами национальной безопасности и перспективами государств, народов и культур на мировой арене. И если мы понимаем, что развитие отдельных секторов общественной жизнедеятельности является частью общегосударственной доктрины национальной безопасности и устойчивого развития в глобальном мире.

Наверное, можно выделить и другие тенденции. Но даже этого достаточно для постановки философского диагноза нынешнему состоянию отечественного высшего и среднеспециального образования как во многом кризисного, все более хаотического, переходного и не предсказуемого в своих позитивных последствиях для общества и страны. Здесь и продолжающееся нарастать его внутреннее разобщение, увеличение дистанций с собственной традицией хозяйствования и традицией образования, и более всего – с собственными целями национальной безо-

пасности. Но нет худа без добра. Осуществленный опыт западофикации нашего университетского и среднепрофессионального образования позволяет четче понять, что мы приобретаем и что мы теряем, уточнить начальные цели, пути и формы задуманной и проводимой реформы нашего высшего образования в контексте глобализации и проблем национальной безопасности страны и общества. Хорошо, что этот опыт есть. Хуже, если бы его не было.

Полученный опыт на путях реализации болонского процесса позволяет российскому обществу и государству лучше понять внутреннюю систему образования на Западе. Понять ее глубинные цели, связанные с общим контекстом развития западного общества как процесс обретения им более высоких статусов и перспектив в предстоящей истории. Понять и как процесс западофикации, и как процесс интенсификации развития в форме массового общества производства и массового общества потребления. Конечно, мы на этом пути немало потеряли, но столь же очевидно, что немало и приобрели, многое начинаем понимать, избавляясь от ложных представлений и даже иллюзий в своем очередном витке западничанья. Наверное, с диалектической точки зрения, все более назревает период некоторых переосмыслений происходящего с нашим образованием, прежде всего по причине тех переосмыслений места и роли России в современном мире, что произошли в нашей политике, экономике, культуре за последнее десятилетие. Но, наверное, и то, что, это самосознание всегда запаздывает, ибо для него необходим какой-то начальный опыт, оно всегда следует за каким-нибудь уже осуществленным путем развития.

По нашему убеждению, Россия стоит на пороге определенного рода переосмысления и в сфере реформ в образовании. Этот период дает хорошие шансы диалектически взвешенному взгляду на все наши предшествующие опыты либерализации и западничанья в подготовке специалистов. Главной миссией высшего и среднеспециального образования все же должна быть миссия их национальной приверженности и развития своего общества, своей культуры и своего государства. По-видимому, эпоха национальных границ – пока единственный фактор

сохранения стран и народов, да, собственно, и всего мира в форме социального порядка и стабильности. В этом смысле глобализация, если и должна иметь место в будущем, то место это должно быть диалектически адекватным этой форме реальности.

Литература:

1. Шалаев В.П. Мировоззрение как фактор национальной безопасности в условиях западофикации глобального мира // Регионоведение. – 2008. – № 2. – С. 272-278.
2. Шалаев В.П. Дуализм глобализации как дуализм человека: по-прежнему между телесностью и душой // Социальная синергетика и актуальная наука: национальные проекты России как фактор ее безопасности и устойчивого развития в глобальном мире: сборник научных трудов / под общей ред. проф. В.П. Шалаева. – Йошкар-Ола: МарГТУ, 2008. – С. 257-266.
3. Шалаев В.П. Глобализация, постмодерн, бифуркационный человек – маркеры переходной истории // Сервис плюс. – М.: РГУТиС, 2008. – № 2. – С. 96-105.
4. Shalaev V. A bifurcation man as an intercultural boundary phenomenon and a factor of changes in the global world: Synergetic aspects // Impact of Culture on Human Interaction Clash or Challenge & Helfrich H., Dakhin A., Holter E., Arzhenovskiy I. – Eds. Gottingen: Hogrefes Huber, 2008. – P. 369-378.
5. Шалаева С.Л. Детство в глобализирующемся мире (синергетический аспект) // Социальная синергетика и актуальная наука: потенциал России в глобальном мире, проблема адаптации и развития: Сборник научных трудов / под общей ред. Проф. В.П. Шалаева. – Йошкар-Ола: МарГТУ, 2007. – С. 144-155.

Dualism of High School Education in Globalization Era as a Trace of Westernization and Russian National Security Challenge

V. Shalaev, S. Shalaeva
Mari State Technical University

The article studies the development of modern university education in Russia. The main background for studies is the analysis of the globalization impact, which is mainly considered to be the westernization. One of the instances of it is Bologna standards implementation which is considered to be dubious. Major negative consequences of high education system “bolognization” are, according to the authors, forming of the background for circulating young competent workers out of the country and decline in the level of their qualifications. Entering the globalization processes and capturing the requirements of the Bologna process are, though, viewed as one of the main conditions for self-determination of Russian education system.

Key words: globalization, westernization, bolognization, dualism of education, national security.

